Хабенская Е.О.,
кандидат исторических наук,
ведущий специалист,
Центр регионоведения и гуманитарно-
образовательного сотрудничества,
факультет регионоведения и этнокультурного образования,
Институт социально-гуманитарного образования,
Московский педагогический государственный университет;
г. Москва, Россия,
etnoregion@yandex.ru

Этничность и идентичность: пространство для конструирования реальности

Аннотация: российские этнологи обсуждали природу этнических феноменов на протяжении нескольких десятилетий, но так и не пришли к консенсусу. Пришедший на смену теории этноса западный конструктивистский подход к этничности достаточно глубоко проник в российскую науку, но почти не затронул политику. Российская национальная политика, в целом, так и осталась на уровне ленинско-сталинской трактовки нации. Хотя современные законодательные акты в этой сфере и пополнились новой терминологией, объектами «национальной политики» в России по-прежнему остаются мифические этнические общности, а не права отдельного индивида и его идентичность. Автор полагает некорректным в нынешней реальности говорить об объективном существовании этнических групп, которые не имеют ни объективных характеристик, ни понятных границ. В условиях перманентной культурной трансформации и глобализации мира единственным признаком этнической принадлежности становится этническая идентичность конкретного индивида, которая определяется индивидуальными факторами, является изменчивым, ситуативным и многослойным феноменом.

Ключевые слова: этнос; этническая общность; этническое самосознание; этничность; этническая идентичность; культурное разнообразие; примордиализм; конструктивизм.

Elena Khabenskaya,
Ph.D. in History,
senior specialist of the Center for historical
and cultural studies of religion and inter-civilizational relations,
Faculty of Regional Studies and Ethnocultural Education,
Institute of Social and Humanitarian education,
Moscow Pedagogical State University;
Moscow, Russia,
etnoregion@yandex.ru

Ethnicity and identity: a space for constructing reality

Abstract: Russian ethnologists have been discussing the nature of ethnic phenomena for several decades but have not come to a consensus. The Western constructivist approach to ethnicity, which replaced the theory of ethnicity, penetrated quite deeply into Russian science, but almost did not affect politics. Russian national policy has remained at the level of the Leninist-Stalinist interpretation of the nation. Although modern legislative acts in this area have been supplemented with new terminology, the objects of "national policy" in Russia are still mythical ethnic communities, and not the rights of an individual and his identity. The author believes that it is incorrect in the current reality to talk about the objective existence of ethnic groups that have neither objective characteristics nor understandable boundaries. In the conditions of permanent cultural transformation and globalization of the world, the only sign of ethnicity is the ethnic identity of a particular individual, which is determined by individual factors, is a changeable, situational, and multi-layered phenomenon.

Keywords: ethnos; ethnic community; ethnic identity; ethnicity; ethnic identity; cultural diversity; primordialism; constructivism.

Проблема этничности и этнической идентичности обсуждается специалистами в российской науке уже три десятка лет, однако, в плане достижения какого-либо консенсуса, единого согласованного теоретического подхода к этим феноменам – «воз и ныне там». Главная проблема в интерпретации понятия «этнос» и производных от него феноменов/терминов (таких как «этнический», «этничность», «этническое самосознание», этническая идентичность» и т. п.) заключается в том, что размыт и неясен сам предмет изучения этнологии. Однако для понимания истоков проблемы необходим небольшой исторический экскурс.

Советский период в этнографии/этнологии – время господства одной теории этноса, в окончательном виде сформулированной в 1970-е гг. директором Института этнографии Академии наук СССР Ю.В. Бромлеем. Учитывая политические реалии советского государства, любая гуманитарная дисциплина могла развиваться только в «идеологически выдержанном» русле. Не обошло это и этнологию. Советская «теория этноса» «выросла» из ленинско-сталинской трактовки нации, сформулированной когда-то «отцом народов» в статье 1913 г. «Марксизм и национальный вопрос» [7, с. 10–55]. Как отметил В.Р. Филиппов, детально исследовавший истоки советской теории этноса, «по злой иронии истории, положения, сформулированные в начале прошлого столетия... [*политиками* – Е.Х.] стали методологическим проклятием нашей дисциплины» почти на сто лет вперед [7, с. 10].

В период зарождения советского государства «национальный вопрос» стал тем политическим инструментом, который позволил большевистским лидерам, сыграв на противоречиях и интересах разных этнических элит, удержать власть и расширить границы нового государства, создав федерацию на основе принципа национально-территориального деления. (Именно этот принцип формирования государства стал впоследствии одним из факторов его распада, положив начало череде кровавых конфликтов в пограничных районах бывших республик СССР и российских этноконтактных регионах). В течение последующих семидесяти лет, несмотря на официально провозглашенный в стране курс на формирование единой общности «советский народ», этническая принадлежность (национальность) человека была объективной характеристикой, которая фиксировалась в паспорте, указывалась во всех анкетах и во многих ситуациях служила поводом для скрытой дискриминации (например, при приеме в вуз или на работу).

Именно такая общественная реальность, в которой человек не мыслился вне национальности (этнической принадлежности), и отражалась в теоретических построениях советских этнографов. Суть советской теории этноса сводилась к интерпретации этого феномена как формы существования человеческих сообществ, а именно: устойчивой, исторически сложившейся на определенной территории совокупности людей, которую отличает от других подобных общностей определенный набор объективных признаков. К числу таких признаков, которые по умолчанию считались «этническими», как правило, относили культуру, язык, особенности быта и хозяйственной деятельности и т. д., а также коллективное

осознание своего единства и отличия от «других» (этническое самосознание). Набор этнических характеристик мог различаться, иногда сюда добавлялись религия, особенности психического склада или даже наличие государственности, но в любом подобном перечне обязательно присутствовало этническое самосознание как субъективный, но неотъемлемый элемент, который как в зеркале отражает объективные признаки этноса.

«Этнос (этническая общность) – это особый исторически возникший тип социальной группы, особая форма коллективного существования людей. Такая общность складывается и развивается как бы естественно-историческим путем; она не зависит непосредственно от воли отдельных входящих в нее людей и способна к устойчивому многовековому существованию за счет самовоспроизводства», – писал Ю.В. Бромлей [1, с. 11]. Соответственно, этническое самосознание определялось сторонниками теории этноса как «относительно устойчивая система осознанных представлений и оценок, реально существующих этнодифференцирующих и этноинтегрирующих компонентов жизнедеятельности этноса» [9, с. 88] или «совокупности черт индивида, группы, этнической общности, образовавшихся в процессе общения и восприятия своего отличия и сходства при соотнесении с другими социально-этническими общностями» [8, с. 19–20].

С конца 1980-х – начала 1990-х гг. с привычными для советского этнографа понятиями «этнос» и «этническое самосознание» начинают активно «конкурировать» новые термины – «этничность», «этническая идентичность» – пришедшие в российскую науку вместе с работами зарубежных антропологов и социологов. Проникновение и утверждение новых терминов и категорий символично ознаменовало окончание времени господства одной теории в отечественной этнологии и начало эры «теоретического плюрализма». В этот период на страницах журнала «Советская этнография» (с 1992 г. – «Этнографическое обозрение») развернулась полемика между представителями «старой школы», апологетами теории этноса («примордиалистами») и последователями западных концепций (прежде всего, Ф. Барта), рассматривающих этничность как «интеллектуальный конструкт» и «форму организации культурных различий» («конструктивистами») [12]. Начало дискуссии положил доклад на заседании Президиума АН СССР в ноябре 1989 г. нового директора Института этнологии и антропологии В.А. Тишкова с символическим названием «Да изменится молитва моя!», опубликованный затем отдельной брошюрой [5]. С этого времени принято говорить о существовании

(и противостоянии) двух теоретических парадигм в отечественной этнологии – «примордиализма» и «конструктивизма».

Считая этнос весьма условной категорией, приверженцы конструктивистской парадигмы предпочитали использовать понятия «этничность» и «этническая идентичность», как правило, рассматривая их как синонимы. По этому поводу наиболее известный представитель конструктивизма в России В.А. Тишков в свое время заметил: «Я не употребляю термин «этнос», потому что не знаю, что это такое» [6, с. 65]. Исследователь В.С. Малахов предложил различать этничность как элемент субъективной, психологической реальности и этничность как элемент объективной реальности – «символического универсума, создаваемого социальными отношениями» [3, с. 109]. По мнению автора, этническая идентичность прежде всего является «продуктом» внешних и внутренних типизаций. «Внешняя типизация относит индивидов к представителям тех или иных этнических групп» и «прямо не связана с отношением самих индивидов к такой типизации». Одновременно, «субъективно переживаемая этничность (этническая идентичность) далеко не всегда совпадает с социально приписываемой (включая социально навязываемую)», – считает исследователь [3, с. 109].

Участники дискуссии 1990–2000-х годов от «конструктивистского лагеря» подчеркивали изменчивость, ситуативность и субъективную природу этнических феноменов. Оспаривая объективность традиционно признанных характеристик этноса, С.В. Соколовский, к примеру, писал, что «не культурная однородность порождает этнос... но само бытие этой общности может порождать известный уровень культурной однородности» [4, с. 15]. «Этнос невещественен, а допущение, что между ним и этнонимом существует такая же связь, как между розой и ее именем, означает овеществление, реификацию этнической реальности», – утверждает исследователь [4, с. 14]. В свою очередь этническая (национальная) принадлежность с позиций конструктивизма рассматривалась прежде всего как вопрос веры.

В рамках данной статьи у автора нет задачи детально рассматривать эти два противоположных теоретических концепта, которые отнюдь не являются однородными и распадаются на ряд направлений в подходе и способе интерпретации этнических феноменов. В рамках наших задач важно лишь отметить, что примордиализм отнюдь не только отечественное явление (что, впрочем, очевидно из английской основы термина). В западной социальной антропологии, в том числе среди известных имен,

также встречались и встречаются сторонники этой концепции [13]. Однако, отечественный примордиализм имеет свои особенности, вытекающие из сильной идеологической и политической обусловленности формирования теории этноса, которые до сих пор влияют на содержание и реализацию «национальной» политики в нашей стране.

Еще один важный момент связан с тем, что проникновение в отечественную науку новых терминов и концепций (безусловно, чрезвычайно значимое для развития самой науки) не добавило ясности в понимание природы этнических феноменов. Как оказалось, этой ясности в западной социальной антропологии было не больше, чем в отечественной этнологии.

После окончания острой стадии дискуссии в 2000-е гг. наметилась тенденция по примирению примордиализма и конструктивизма и выработке некоего интегративного концепта этноса/этничности. Так, исследователь И.Ю. Заринов, пытаясь извлечь «рациональное зерно» из обеих концепций, пришел к заключению, что члены социума способны конструировать лишь уже «исторически сложившиеся, но в силу различных причин потерянные культурные характеристики и стандарты» и предложил называть этот процесс не конструкцией, а «реконструкцией», в результате которой и возникает, на его взгляд, «искомая этническая идентичность» [2, с. 6, 12, 13].

Интересным образец синтеза примордиализма и конструктивизма – подход российского этнолога С.В. Чешко. По его мнению, если «очистить» этничность от всех «сопутствующих ей переменчивых факторов, внешних атрибутов, ситуативных проявлений», то она «обнаружит себя как недетерминированный никакими материальными причинами социальный инстинкт – инстинкт коллективности», который представляет собой «единство двух противоположных начал – группирования и разделения» [10]. Таким образом, в представлении С.В. Чешко «этничность... формируется как коллективная традиция» и «вырабатывается не индивидуальным опытом и даже не совокупностью индивидуальных опытов, а скорее обобщенным групповым опытом предыдущих поколений, который для последующих поколений теряет свой некогда конкретный смысл, превращаясь в религиозноподобную идею» [10]. Автор приходит к выводу, что этничность представляет собой разновидность «сверхсоциальной идеологии» и «лежит вне обыденности», что, однако, «не означает, что этничность не играет никакой роли в повседневной жизни людей» [10]. Хотя этничность, по мнению С.В. Чешко, нельзя «ни создать,

ни разрушить искусственно», можно «сконструировать» «квазиэтничность», которая будет отличаться от настоящей этничности «преобладанием рационально-идеологического начала, целеполаганием, жесткой привязкой к непосредственной деятельности» [10]. Итак, исследователь «решает» спор примордиализма и конструктивизма следующим выводом: этничность (этническая идентичность) может быть как искусственно сконструированной, так и иметь «реальные» культурные основания.

Автору этой статьи более других близки интерпретации тех исследователей, которые, подобно С.В. Чешко, пытаются снять противоречия и увидеть общие корни в, казалось бы, противоположных интерпретациях этнического. Как мне представляется, проблема определения и понимания этнических феноменов связана, прежде всего, с их изменчивостью и вариативностью. По всей вероятности, общности, которые сегодня принято называть «этническими», были реальностью на раннем этапе формирования человечества. Они берут начало в родовых отношениях, кровнородственных, а затем племенных связях, в ранних человеческих сообществах, которые, по мере развития и укрупнения утрачивали родство, как основание взаимосвязи, «обрастают» общими культурными особенностями, поскольку говорили на одном языке, формировались на общей территории, в определенных ландшафтных условиях и практиковали определенный способ жизнеобеспечения, который определялся особенностями среды обитания. На такую природу этнических обществ в русском языке указывает этимология слова «народ», образованного от существительного «род» и связанного с глаголом «народиться». Однако, по мере исторического развития человеческих сообществ, происходила их трансформация – разрастание, усложнение социальной структуры, иногда миграции, объединение с другими группами, смена языка, религии, образование государств и т. д. Таким образом, на протяжении достаточно продолжительного периода времени развития определенной общности, на каждом его этапе мы имеем дело с достаточно различными сообществами (если брать каждый промежуток времени, как срез) – во всех отношениях, в том числе, в культурном. В то же время каждый фрагмент культуры в том или ином виде отпечатывался и сохранялся в памяти народа, в семейных преданиях, в устном и письменном народном творчестве и т. д. Со временем что-то стиралось, утрачивалось, а что-то оставалось на годы, десятилетия, века, обрастая мифами, в коллективных «воспоминаниях» и представлениях.

К тому же различные человеческие общности в разных регионах и условиях развивались и развиваются неодинаково, находятся в каждый момент времени, так сказать, на различных этапах своего развития, да и сами этапы и общая траектория этого развития могут сильно отличаться у разных народов и культур. Будет ли корректным сравнивать между собой, обозначая как «этнические», какую-нибудь европейскую общность (французы, англичане) и, например, бушменов? Очевидно, нет. Тем более, что, если покопаться в происхождении любого «этнонима», то в одном случае, мы будем иметь дело с общностью региональной, в другом – с лингвистической, в третьем – с конфессиональной и т. д. Если проанализировать перечень так называемых «этнических» групп («национальностей»), разработанный Институтом этнологии и антропологии РАН, который предлагается для выбора своей «этнической» идентичности участникам переписи населения в РФ, это становится очевидным. Весьма показательным, что во время переписи 1999 г., в период огромной популярности в России трилогии Дж. Толкиена «Властелин колец», среди вариантов ответов на вопрос об этнической принадлежности стали встречаться «эльфы» и «хоббиты». Процесс самоидентификации индивида с любой этнической общностью сегодня по большому счету не менее мифологичен, чем с героями сказочного мира Толкиена.

Поясним эту мысль. В современном мире представители этнокультурных сообществ редко живут компактно на определенной территории, а материальные атрибуты этнической культуры обретают пристанище в музеях, в повседневной жизни повсеместно заменяясь универсальными предметами культуры и быта. Даже представители малых народов, сохранившие традиционный образ жизни в определенных ландшафтных и климатических условиях, успешно включают в свою жизнь современные технологии и инструменты. В условиях перманентной культурной трансформации и глобализации мира единственным признаком этнической принадлежности становится этническая идентичность каждого конкретного индивида, которая определяется индивидуальными факторами, является изменчивым, ситуативным и многослойным феноменом. Она может отсутствовать, меняться с течением времени, актуализироваться в зависимости от окружающей этнополитической ситуации и от внутреннего состояния личности человека, его поисков себя и «своей» группы и, наконец, этнических идентичностей может быть несколько.

Очевидно, что говорить об «объективности» существования этносов и этнических общностей в таких условиях не приходится. Ведь у каждой социальной группы всегда есть хотя бы один четкий признак отнесения / принадлежности к этой группе – более или менее формальный признак членства в ней. Так, признаком принадлежности к государству является гражданство и отметка о нем в соответствующем документе. Все граждане страны являются членами нации (гражданской общности) не по настроению, а по этим конкретным признакам. Жители региона образуют региональную общность, границы которой прочерчены в пространстве, здесь признаком становятся территориальные границы. Члены лингвистической общности принадлежат к ней по признаку владения языком, религиозной – по признаку вероисповедания и самоидентификации с определенной религиозной конфессией или учением и т. д.

Этнические общности являются сегодня скорее категориями прошлого времени. В настоящем – это «пушистые множества», которые не имеют ни четких границ в пространстве, ни понятной численности, ни одного объективного признака, который бы определял принадлежность к этой общности. Единственным «признаком» этой принадлежности становится этническая самоидентификация человека, которая в каждом конкретном случае строится на различных и, главное, совершенно субъективных, основаниях. Учитывая вышесказанное, корректнее говорить о культурах и культурных группах, как это принято в социальной антропологии – это снимает многие противоречия и уводит исследователя от необходимости каждый раз объяснять, какой смысл он вкладывает в понятие «этнос» и его производные.

Заметим, что оставшиеся в прошлом отечественной этнологии дискуссии о природе этнического – вопрос отнюдь не умозрительный. Теоретические подходы, хоть и не сразу, и не напрямую, но влияют на политику государства в соответствующей сфере.

К сожалению, российская национальная политика, в целом, так и осталась на уровне ленинско-сталинской трактовки нации. Советский период нашей истории, когда каждый человек был посредством паспорта «приписан» к определенной национальности, не прошел даром. Хотя современные законодательные акты в этой сфере и пополнились новой терминологией, объектами «национальной политики» в России по-прежнему остаются мифические этнические общности, а не права отдельного индивида и его идентичность.

Отмеченный подход оказывает влияние на все области политики, в том числе – и на образование. В соответствии со Стратегией национальной политики до 2025 г. одной из приоритетных задач в сфере образования в последние годы является формирование общероссийской гражданской идентичности и, одновременно, сохранение и развитие этнокультурной идентичности обучающихся. В результате педагоги на местах вынуждены непонятным образом выполнять неосуществимую задачу, поскольку два эти вектора развития являются если не взаимоисключающими, то точно разнонаправленными, так как формирование гражданской нации априори предполагает смещение акцентов на гражданскую, а не на этнокультурную идентичность. Кроме того, этнокультурная идентичность не является обязательным элементом сознания и самоидентификации человека, может вообще отсутствовать, может отличаться от этнического происхождения и т. д. Этот элемент самоидентификации отражает особенности семейного воспитания и ситуативное самовосприятие индивида и не подлежит внешнему воздействию и какому-либо намеренному «развитию». Этническая идентичность имеет социальную природу и находится в ряду многочисленных социальных идентичностей человека. Причем, в обычном случае – далеко не на первом месте. Для человека, как правило, ближе то, что составляет его повседневную жизнь, в которой он является и ощущает себя частью различных коллективов – семьи, школьного класса, студенческой группы, профессионального цеха, родного села или города.

Как и само российское общество, любой школьный класс сегодня демонстрирует культурное разнообразие – вместе учатся дети с различным этнокультурным происхождением. Для ребенка, который отличается от большинства одноклассников необычным именем, фенотипом, конфессиональной принадлежностью родителей и т. д. гораздо важнее, чтобы чувствовать себя комфортно, стать частью коллектива, а не выпячивать свои отличия. Дети, как правило, интуитивно именно так и делают. Некорректно сформулированные и в итоге неправильно понятые задачи национальной политики могут провоцировать педагогов делать акцент на культурной отличительности там, где лучше ее нивелировать. Вместе с тем в сфере школьного образования возникает множество ситуаций, когда культурная отличительность требует особого внимания (в связи, например, с низким уровнем владения русским языком и трудностями в обучении детей из семей мигрантов). Каждая ситуация требует

индивидуального подхода учителя и достаточного уровня этнологических знаний. В итоге мы приходим к выводу, что гармоничная реализация национальной политики в сфере образования (а также и во всех других сферах) не терпит общих установок, а требует большой дифференциации, точечного подхода, преодоления бытовых этностереотипов через этнокультурное просвещение и педагогов и учащихся.

Литература:

1. *Бромлей Ю.В.* Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М.: Наука, 1987. 333 с.
2. *Заринов И.Ю.* Время искать общий язык (проблема интеграции различных этнических теорий и концепций) // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 3–18.
3. *Малахов В.С.* «Скромное обаяние расизма» и другие статьи. М.: Модест Колеров и «Дом интеллектуальной книги», 2001. 176 с.
4. *Соколовский С.В.* Этничность как память: парадигмы этнологического знания // Этнокогнитология. Вып. 1. Подходы к изучению этнической идентификации / Сост. С.В. Соколовский; Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия. М., 1994. С. 11–31.
5. *Тишков В.А.* Да изменится молитва моя!.. О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений. Доклад на заседании секции общественных наук Президиума АН СССР 1 ноября 1989 г. М., 1989. 54 с.
6. *Тишков В.А.* Нация: Теория и политическая практика // Взаимодействие политических и национально-этнических конфликтов. Материалы международного симпозиума 18–20 апреля 1994 г. Ч. 1. М., 1994. С. 64–66.
7. *Филиппов В.Р.* «Советская теория этноса». Историографический очерк. М.: Ин-т Африки РАН. 2010. 111 с.
8. *Хабибуллин К.Н., Скворцов Н.Г.* Испытания национального самосознания. СПб.: Петрополис, 1993. 119 с.
9. *Хотинец В.Ю.* Этническое самосознание. СПб.: Алетейя, 2000. 240 с.
10. *Чешко С.В.* Человек и этничность // История РФ. 02.10.2013. URL: <https://histrf.ru/read/articles/chieloviek-i-etnichnost> (дата обращения: 05.08.2021)

11. *Armstrong J.A.* Nations Before Nationalism. Chapel Hill, 1982. 410 p.

12. *Barth F.* Introduction // Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organisation of Culture Difference / Ed. By F. Barth. Bergen. London, 1969. Pp. 3–11.

13. *Smith A.D.* The Ethnic Origin of Nations. Oxford, 1987. 312 p.

14. *Smith M.G.* The Plural Society of the British West Indies. London, 1965. 278 p.

* * *

Шевцова А.А.,

доктор исторических наук,
профессор кафедры культурологии,
Институт социально-гуманитарного образования,
Московский педагогический
государственный университет;
г. Москва, Россия,
ash@inbox.ru

Гринько И.А.,

кандидат исторических наук,
докторант Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН;
г. Москва, Россия,
iagrinko@yandex.ru

К вопросу о методологии исследования визуальных источников (на примере этнически маркированных сюжетов советской карикатуры)

Аннотация: авторы, уже обращавшиеся к различным сюжетам через призму советской визуальной сатиры, предлагают собственную методологию исследования карикатуры. Рассматривая ключевые паттерны этносюжетов в динамике и фигуры умолчания советской визуальной сатиры, формирующие базовые и визиотипы, статистику появления различных этнических образов и ее связь с этнополитическим контекстом, можно выявить корни современных этнических стереотипов, рожденных в том числе советским визуальным языком.